

Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше

В течение 1934—1936 гг. в северо-западной части Польши, в Жнинском уезде (Żnińskim powiecie), были исследованы замечательные остатки торфяного поселения

Рис. 1. Вид сверху на центральную часть раскопок 1935 г.

так называемой Лужицкой культуры, время существования которого определяется исследователями эпохой раннего железа — 700 — 400 гг. до н. э.

Великолепная сохранность основных частей поселения (рис. 1)—деревянных оборонительных стен, жилищ, улиц, мощеных деревом в виде гати, и других остатков материальной культуры, придает этому памятнику первостепенное значение, быть может, равное остаткам свайных поселений Швейцарии.

Данные обследования этого замечательного памятника опубликованы в виде нескольких статей, имеющих характер предварительных сообщений, состоящих из отчета о раскопках и общего описания памятника, краткого описания остатков фауны, описания конских удили и описания стратиграфии торфяника и остатков флоры¹.

Остатки поселения расположены на низком мысу, вдающемся в Бискупинское (Biskupińskie) озеро (рис. 2). Мыс поднимается над современным уровнем воды всего на 1,5 м. Все сооружения лежат прямо на поверхности болота и подстилаются торфом. В северо-западной, более низкой части мыса остатки поселения покрыты слоями озерного ила и песка, свидетельствующими о затоплении этой части водами озера. Вся площадь поселения покрыта задернованным слоем торфа, мощностью около 50 см.

В течение 1934 и 1935 гг. раскопками вскрыто свыше 2 500 кв. м, что составляет около $\frac{1}{9}$ части всего поселения, имеющего площадь до $2\frac{1}{2}$ га.

Планировка поселения, судя по данным отчета, имела следующий вид. Вдоль берега озера с западной, северной и восточной стороны, на линии прибоя волн, вбито

¹ «Przegląd Archeologiczny», t.V, z. 2—3.

несколько рядов наклонных свай, иногда укрепленных горизонтальными бревнами (рис. 3, 4, 5). Ряды этих свай образуют сложную систему укрепления берега от напора волн и, вероятно, льда.

Далее все поселение обведено системой оборонительных стен, состоящих из бревенчатых срубов, заполненных плотно утрамбованной землей и глиной (рис. 6).

Северная часть поселения, вскрытая раскопками, представляет очень своеобразную картину. Поперек мыса, в направлении с востока на запад, идет 8 параллельных рядов длинных домов (рис. 5, 7), выходящих концами на окружающую улицу, идущую

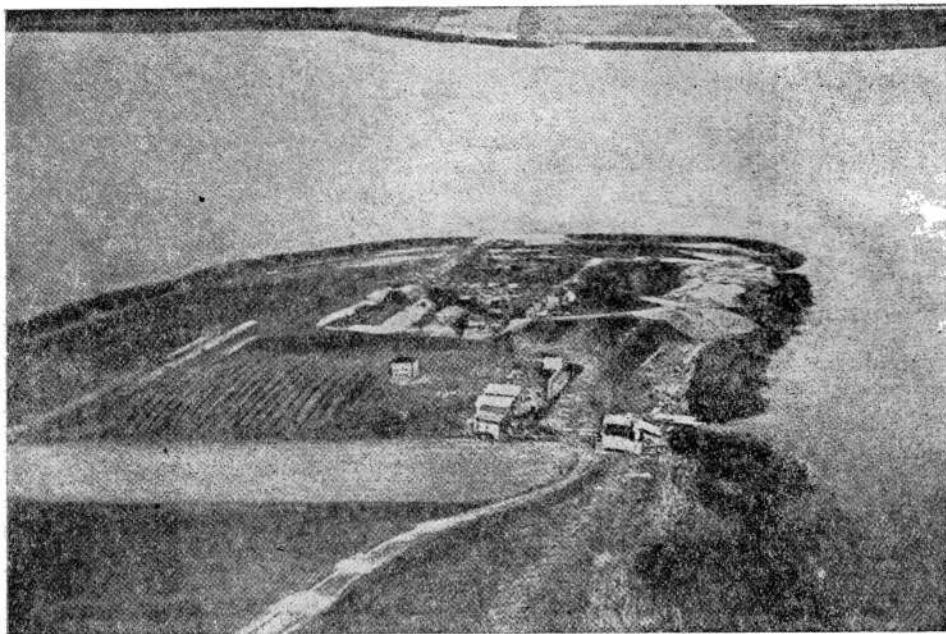

Рис. 2. Общий вид мыса с остатками поселения, снятый с аэростата

вдоль вала. Дома разделены шестью поперечными улицами, выходящими на ту же окружающую улицу.

Все дома имеют выходы лишь на поперечные улицы.

Никаких остатков специальных культовых и других общественных зданий в исследованной части поселения не обнаружено. Возможно, что они будут найдены при дальнейших раскопках в южной части поселения.

Оборонительные сооружения представляют собой деревянные стены, состоящие из срубов, заполненных плотно утрамбованной землей и глиной. Высота сохранившейся части стен равняется 1,10 м, но исследователь предполагает, что их первоначальная высота могла достигать 3—4 м. Остатки стен расположены в три ряда, относящиеся к разному времени.

Самая древняя стена идет с внешней стороны. От нее сохранилось лишь основание, состоящее из дубовых бревен, лежащих в поперечном направлении. Основание двух других стен составляют также дубовые бревна, но идущие в продольном направлении. Срубы стен (рис. 6) поставлены прямо на этот настил из бревен. Средняя стена, построенная позднее, на большом протяжении несет следы сильного пожара. Повидимому, в результате этого пожара с северо-восточной стороны на месте сгоревшей была построена третья стена, упирающаяся на северо-западе в линию домов.

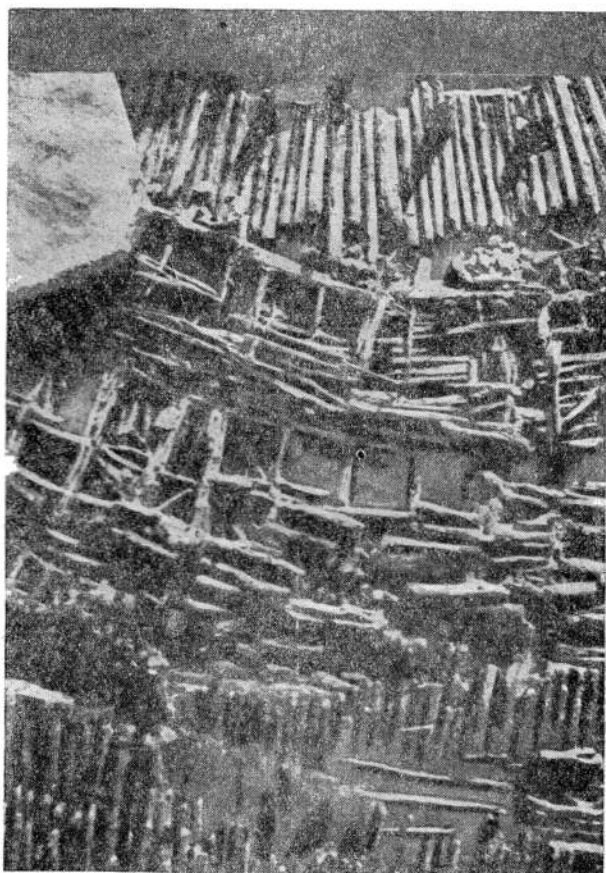

Рис. 3. Северо-восточная часть поселения—вверху окружающая улица, ниже остатки деревянных стен из срубов, внизу ряды свай

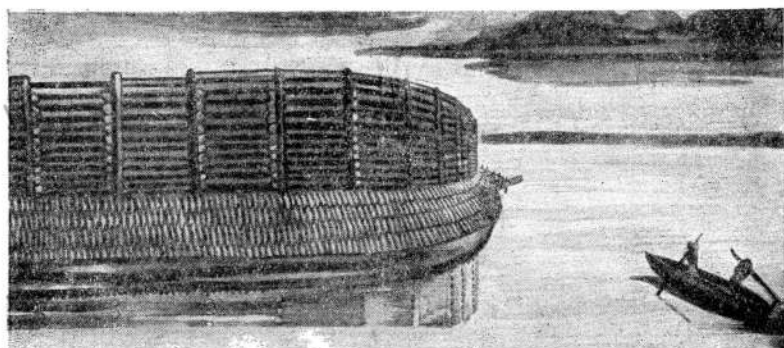

Рис. 4. Реконструкция вида оборонительных стен со стороны озера

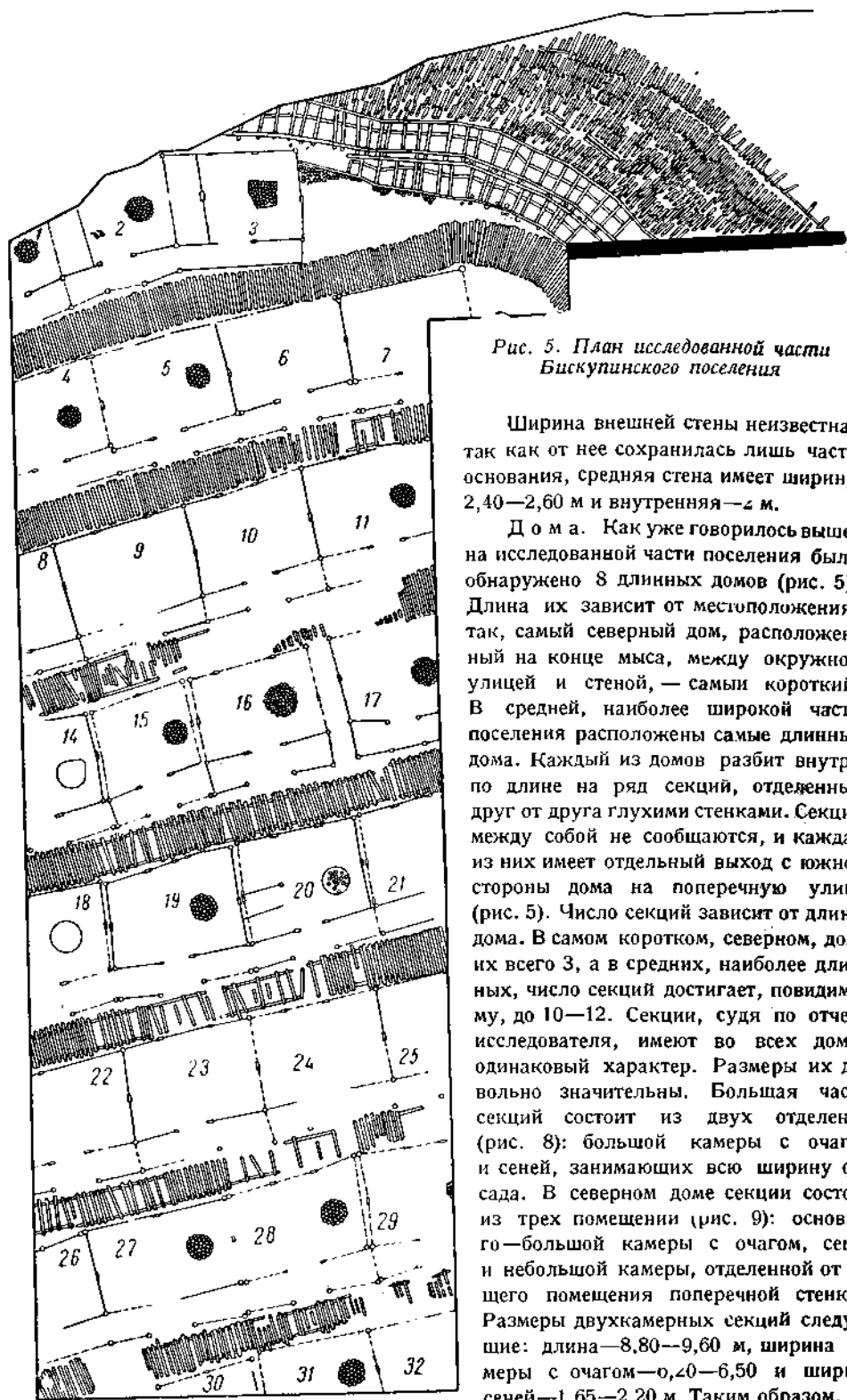

Рис. 5. План исследованной части Бискупинского поселения

Ширина внешней стены неизвестна, так как от нее сохранилась лишь часть основания, средняя стена имеет ширину 2,40—2,60 м и внутренняя—4 м.

Дома. Как уже говорилось выше, на исследованной части поселения было обнаружено 8 длинных домов (рис. 5). Длина их зависит от местоположения: так, самый северный дом, расположенный на конце мыса, между окружной улицей и стеной, — самый короткий. В средней, наиболее широкой части поселения расположены самые длинные дома. Каждый из домов разбит внутри по длине на ряд секций, отделенных друг от друга глухими стенками. Секции между собой не сообщаются, и каждая из них имеет отдельный выход с южной стороны дома на поперечную улицу (рис. 5). Число секций зависит от длины дома. В самом коротком, северном, доме их всего 3, а в средних, наиболее длинных, число секций достигает, повидимому, до 10—12. Секции, судя по отчету исследователя, имеют во всех домах одинаковый характер. Размеры их довольно значительны. Большая часть секций состоит из двух отделений (рис. 8): большой камеры с очагом и сеней, занимающих всю ширину фасада. В северном доме секции состоят из трех помещений (рис. 9): основного—большой камеры с очагом, сеней и небольшой камеры, отделенной от общего помещения поперечной стенкой. Размеры двухкамерных секций следующие: длина—8,80—9,60 м, ширина камеры с очагом—0,40—6,50 и ширина сеней—1,65—2,20 м. Таким образом, вся

площадь секции равна 70—80 кв. м. В некоторых случаях сени, повидимому, не отделялись от главного помещения стенкой, так как в соответствующих угловых столбах отсутствуют пазы. Также не вполне ясен вопрос, имели ли сени во всех случаях переднюю стенку или некоторые из них были открытыми.

Вопрос о назначении небольшой камеры в трехкамерных секциях не вполне ясен. По предположению исследователя, она, повидимому, служила стойлом для скота,

Рис. 6. Внутренняя оборонительная стена

так как пол у нее сильно выбит, возможно копытами животных. В трехкамерных секциях помещение с очагом имеет меньшие размеры, чем в двухкамерных, за счет выделения в нем третьей камеры.

В большой камере, направо от входа в нее, располагается очаг, сложенный обычно из камней, покрытых сверху слоем глины, а в некоторых случаях состоящий из одной глины. Все очаги имеют округлую форму, с диаметром 1,20—2,0 м.

Никаких остатков внутренней обстановки в домах не найдено, за исключением одной секции (№ 20), где на полу большой камеры обнаружены 3 параллельно лежащие балки с четырехугольными отверстиями на концах и с сохранившимися в этих отверстиях концами вставленных в них столбов. Исследователь считает их остатками помоста для сна. Размеры этого помоста, судя по расположению балок, равнялись 3,60—3,70 м. Внутри некоторых секций и перед домами находились пни деревьев с об-

рубленными корнями и гладко срезанным верхом, которые могли служить для сиденья или столиками.

Конструкция домов. Пол во всех домах деревянный, сложенный из круглых бревен или отесанных плах, покрытых сверху слоем глины. Ввиду тонкости грунта пол укладывался на настил из березовых или ольховых жердей, иногда переплетенных между собой.

Стены возводились следующим образом (рис. 10): по углам дома вкапывались столбы 30—40 см в поперечнике, с двумя продольными пазами, расположенными под прямым углом друг к другу. Между угловыми столбами ставилось несколько столбов с пазами на противоположных сторонах. Пространство между столбами забиралось отесанными плахами или бревнами с плоскозатесанными концами, вставлявшимися в пазы столбов (рис. 11).

Крыша была, по всей вероятности, двускатной, так как в средней части большой камеры в некоторых случаях были обнаружены столбы, служившие, повидимому, для поддержки стропильной балки. Крыша была, несомненно, общей для всего дома, так как между отдельными секциями, за редкими исключениями, нет промежутков, а передняя и задняя стены домов также представляют единое целое. Крыша могла покрываться тростником, соломой или дранью.

Входы в отдельные секции располагались всегда с южной стороны дома.

Вход с улицы в сени имеет ширину от 2,20 до 2,55 м и из сеней в большую камеру — 1,75—2,05 м.

Большая ширина дверей, по мнению исследователя, объясняется тем, что они служили также для освещения внутренности домов, вместо окон.

Дверная коробка состоит обычно из двух вкопанных столбов и порога; структура верхней части осталась невыясненной.

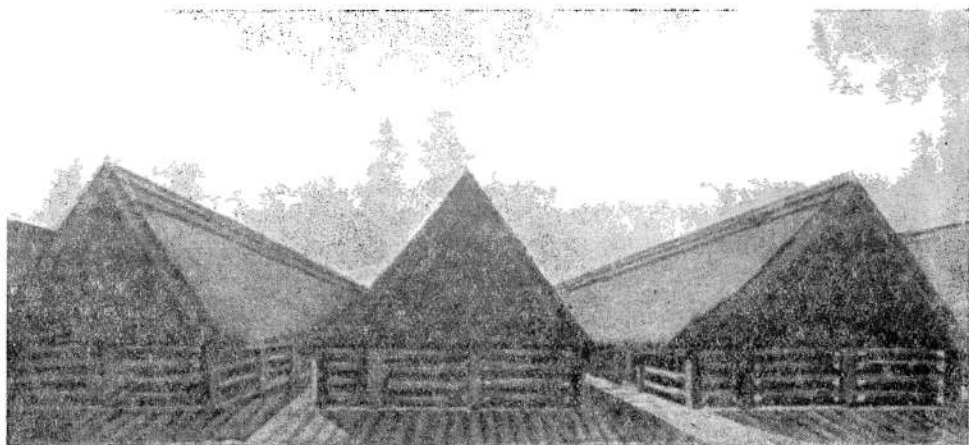

Рис. 7. Реконструкция домов

В боковых столбах, со стороны, примыкающей к стене, имеются продольные пазы, в которые впущены концы плах или бревен, из которых состоят стены. Остатков самих дверей не обнаружено, за исключением двух деревянных решеток из тонких жердей, которые, по предположению исследователя, могли заменять двери в летнее время.

Окон в домах не обнаружено.

Улицы имеют ширину от 2,40 до 3,40 м. Все они вымощены деревом в виде гатей. Замошение производилось следующим образом: на поверхность болота укладывались в продольном направлении два бревна, на которые настилались поперечные дубовые бревна в виде сплошного настила. На некоторых улицах поверх бревенчатого настила насыпан слой земли толщиной 30—40 см, покрытый вторым настилом из березовых жердей с хорошо сохранившейся корой. Эта сохранность коры заставляет исследователя предполагать, что по улицам либо не происходило движения колесных экипажей, либо верхний настил был в свою очередь прикрыт слоем земли, предохранявшим его от разрушения.

В процессе раскопок удалось установить, что поселение во время своего существования подвергалось неоднократной перестройке в различных частях. Так, например, троекратной перестройке подвергались оборонительные сооружения, что уже отмечалось выше. Следы перестройки прослеживаются также на сохранившихся остатках домов и покрытий улиц.

Часть этих перестроек связана с пожарами, следы которых ясно прослеживаются как на домах, так и на средней стене. После пожара дома восстанавливались на том же месте, причем столбы от старых домов обычно срубались на уровне поверхности земли, а иногда оставлялись на месте, рядом со вкопанными вновь. В северной, более

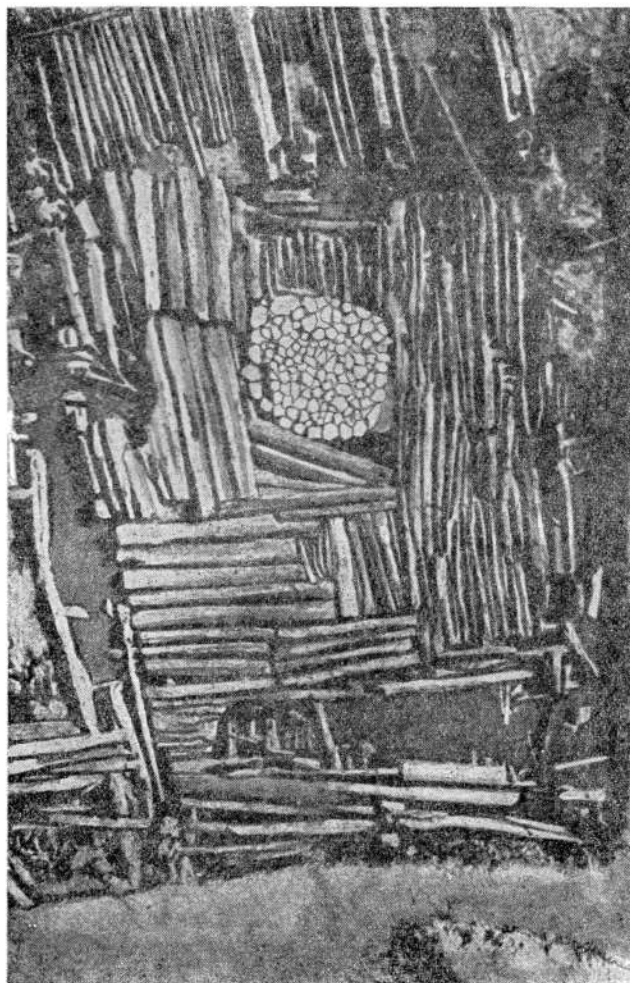

Рис. 8. Центральная камера двухкамерной секции (№ 19 по плану), в центре—очаг из камней

низкой части поселения наблюдается картина иного характера. У большинства расположенных здесь домов имеется два слоя деревянных полов с очагами, разделенных прослойкой земли толщиной 20—50 см. Улицы в этой части также имеют двуслойное деревянное покрытие (рис. 12). Это явление, несомненно, связано с поднятием уровня вод, затопивших нижние части поселения, что заставило жителей подсыпать грунт и произвести вторичную настилку полов и покрытие улиц. Возможно, что дальнейший подъем воды с течением времени заставил жителей окончательно покинуть поселение. Над остатками древнего поселения, в верхних горизонтах почвы, встречаются следы отдельных небольших жилищ, относящихся к более позднему времени, но

ввиду плохой сохранности установить их планировку и архитектуру полностью не удалось.

Остатки материальной культуры, собранной на площади поселения, состоят из большого количества глиняных сосудов, украшений, производственных орудий и т. д.

Ввиду того, что весь этот материал не отличается от обычного инвентаря поселений и могильников Лужицкой культуры, мы остановимся лишь на некоторых предметах, более редких, наличие которых объясняется исключительной сохранностью памятника. Богатство найденной глиняной посуды позволило установить, что большинство сосудов, встречаемых обычно в погребениях, являются, вопреки мнению многих авторов, не специально ритуальными, а обычными бытовыми сосудами, лишь использовавшимися для погребального ритуала. Исключение составляют «лицевые урны», характерные лишь для могильников и не встречаемые на поселении. Огромное большинство сосудов, несомненно, производились на месте, хотя во время раскопок не было обнаружено ни остатков обжигательных печей, ни мастерских для выделки посуды.

Среди сосудов большой интерес представляют два сосуда со схематическими изображениями всадников и оленей (рис. 13). Вся посуда имеет характер, вполне типичный для Лужицкой культуры. Большинство найденных украшений сделаны из бронзы, часть из железа и несколько бус из голубого стекла. Бусы эти автор считает импортом из Египта.

Кроме того, найдено некоторое количество украшений или амулетов из просверленных клыков кабана и волка.

Большинство производственных орудий изготовлены из рога и кости, очень немногие — из металла.

Из металлических орудий заслуживают внимания топор, 4 железных серпа и несколько мелких предметов из бронзы и железа.

Среди костяных орудий найдено несколько мотыг из рога оленя, много костяных шильев, наконечников копий и стрел, молотков и ряда других бытовых предметов.

Несомненно, большой интерес представляет находка нескольких конских удил из оленьего рога. Они имеют вид пластинок, толщиной 1—3 см и длиной 11—14 см.

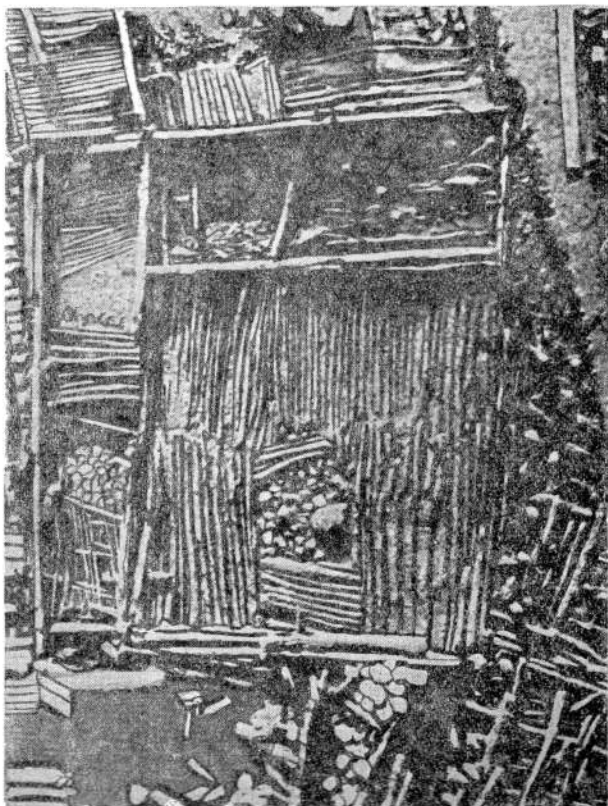

Рис. 9. Трехкамерная секция (№ 3 по плану); внизу — центральная камера с очагом, сверху — небольшая камера и сени

На концах пластинок имеются подквадратные или круглые отверстия для продевания ремней уздечки.

Удила—очень примитивной конструкции, без псалий. Все они сильно погрызены лошадиными зубами.

Очень важной является находка остатков деревянного колеса. Колесо массивное, сделанное из одного куска ясеня, с пропущенными с обеих сторон шпонками для укрепления (размеры колеса исследователем, к сожалению, не приводятся). Отверстие для оси квадратное, так что колесо вращалось вместе с осью. С обеих сторон отверстия для оси имеются два больших полукруглых выреза, сделанные, повидимому, для облегчения веса колеса.

Среди других предметов можно указать на находку нескольких каменных топоров, встречавшихся и ранее в Лужицких могильниках, и большого количества каменных зернотерок.

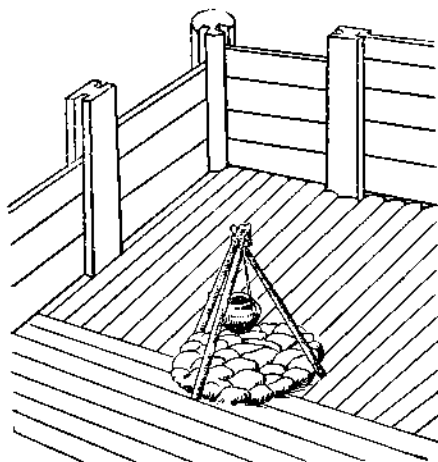

Рис. 10. Реконструкция техники постройки стен и устройства очага

Находка нескольких глиняных форм для отливки бронзовых украшений указывает на существование в Бискупинском поселении местного меднолитейного производства. Находки таких форм в Лужицких поселениях являются большой редкостью.

Близ очагов в некоторых домах было найдено большое количество обугленных остатков культурных растений, среди которых удалось определить два вида пшеницы—мелкозернистой—*Triticum compactum*, обычно встречаемой в свайных постройках, и *Triticum vulgare*, ячменя, проса, льна и большого количества семян сорняков и болотных трав.

Остатки костей животных, встреченных в количестве нескольких десятков тысяч, отличаются, по словам описывающего их проф. Незабитовского, сильной раздроблен-

ностью. Все мозговые полости, даже у мелких костей, оказываются вскрытыми, эпифизы отломаны и частью измельчены. Это относится к костям всех животных без исключения, даже собак. Явление это автор объясняет тем, что мясо всех животных употреблялось в пищу, а кости, повидимому, перед варкой измельчались. Можно отметить, что такой способ измельчения костей был распространен среди многих северных народностей.

Среди находок костей почти совершенно отсутствуют остатки птиц и рыб, несмотря на то, что поселение было расположено на большом озере.

Большинство костей принадлежат домашним животным, среди которых встречены остатки собаки, свиньи, козы, овцы, коровы и лошади. Кости собак принадлежат 36(8) особям. Ввиду плохой сохранности костей автор не дает определения породы собак, отмечая лишь, что они отличались крупными размерами¹.

Свиньи (38 особей)—небольшого роста с маленькими клыками. Эта порода, по мнению автора, была выведена из местной дикой свиньи.

Козы—24(6) особи. Автор, давая подробный разбор остатков коз, считает их принадлежащими к типу *Capra prisca* Adametz et Niezabitowski.

¹ При указании количества найденных особей нами указывается общее количество найденных во всех горизонтах, а в скобках—количество из этого числа, найденное в верхних слоях с поздними поселениями.

Овца представлена 13 особями, из которых 3 относятся к типу *palustris*, а остальные—к другой породе.

Крупного рогатого скота встречено 42 особи. Он отличается небольшими размерами, меньшими даже, чем находимый на неолитических стоянках Польши. Принад-

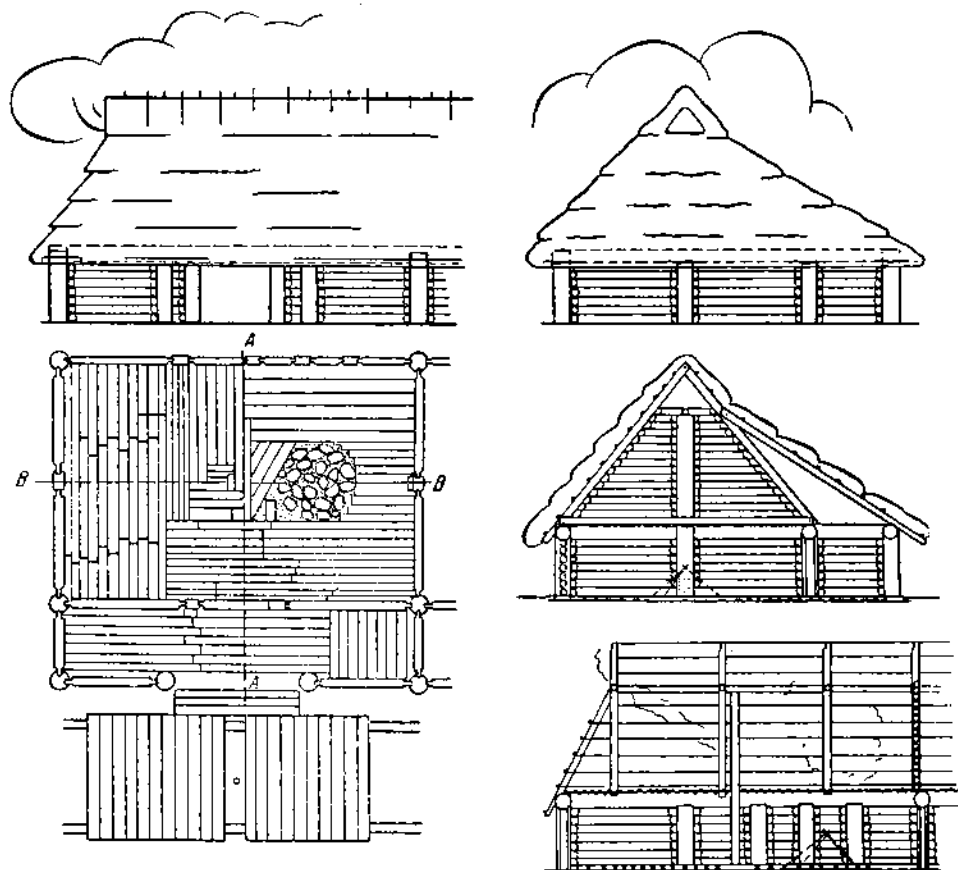

Рис. 11. Реконструкция плана секции и внешнего вида домов

лежит он к типу короткорогатого (*Brachyceros*) скота, известного по находкам в свайных постройках Европы.

Домашняя курица—найдено небольшое количество костей в верхних слоях, относящихся к IX—X вв. н. э.

Кости диких животных встречены в очень небольшом количестве. Среди них имеются кости медведя (4 особи), волка (1), барсука (несколько костей), выдры (несколько особей), зайца (15), бобра (9), дикого кабана (несколько костей), благородного оленя (14), косули (19), зубра (1 кость), тура (1 кость) и небольшое количество костей мелких хищников. Все животные являются типичными представителями лесной фауны северо-восточной части Европы.

Из птиц найдены лишь остатки 8 особей утки и 1 гуся.

Среди кухонных отходов на площади поселения было собрано 23 обломка человеческих костей, принадлежащих людям разного возраста. Среди них имеются обломки черепов и костей конечностей. Об условиях нахождения человеческих костей в отчете ничего не сообщается.

При обследовании ближайших окрестностей описываемого поселения, на расстоянии около 1 200 м к северо-западу от него, был обнаружен могильник Лужицкой культуры, принадлежавший, по мнению исследователей, жителям Бискупинского поселения.

Все приведенные выше данные имеют характер предварительных сообщений и не содержат выводов общего характера, выходящих за пределы описываемого материала.

Рис. 12. Часть улицы с двойным покрытием

Но все же исследователь поселения проф. Костржевский пытается дать краткую характеристику хозяйства и общественных отношений населения описываемого поселения. Так, он считает, что основным занятием жителей было земледелие (что следует из находок роговых мотыг, железных серпов, ручных мельниц и остатков культурных растений) и разведение домашних животных. Охота имела лишь подсобное значение, а рыболовство было развито, повидимому, еще слабее. О том, что оно все же существовало, свидетельствуют находки нескольких поплавков из сосновой коры и игл для вязания сетей.

Судя по находкам в большом количестве льна, пряслиц и грузил от стана, ткачество было хорошо известно. Исследователь предполагает, что ткачество, земледелие, гончарство и собирание диких ягод и плодов находились в руках женщин. Мужчины же занимались охотой, рыбной ловлей, бортничеством и некоторыми ремеслами, как кузнечное, меднолитейное и плотничное, выделкой орудий из рога и кости и т. п.

Пастбища для скота и пашни были, по всей вероятности, расположены на материке, близ поселения.

Относительно общественного строя автор говорит следующее (стр. 134): «Необычная планировка поселения, построенного по единому руководящему замыслу, как будто его спроектировал современный урбанист, мощное крепление берегов, тройные оборонительные сооружения, построенные подневольным трудом, указывают на наличие сильной верховной власти, которая умела обеспечить беспрекословное послушание. На основании различных данных можно предполагать, что дома (домом проф. Костржевский называет каждую отдельную секцию), их оборудование и инвентарь

составляли индивидуальную собственность, уже давно изъятую из совместного (коллективного?—М. В.) владения. В этом же направлении указывает и намечающееся существование разного рода квалифицированных ремесленников-специалистов. Намечается также имущественное неравенство, хотя оно не могло быть значительным, как это видно из одинаковых размеров жилищ».

Ряд любопытных высказываний приводится на странице 124 при общей характеристике поселения. «Причинами для выбора сырого болотистого места для поселения были, несомненно, оборонительные цели. Только опасение нападения могло принудить наших предков поселиться в столь неудобном месте. Врагом, перед которым должны были скрываться в Бискупинском укреплении, была прибалтийская народность, говорившая на языке, сходном с языком нынешних литовцев и латышей, а также вымерших прусов и ядвингов. Эта народность хоронила своих умерших в каменных ящиках. В эпоху сооружения Бискупинского укрепления начался напор этой северной культуры каменных ящиков на юг, на территорию, занятую народностью могильников

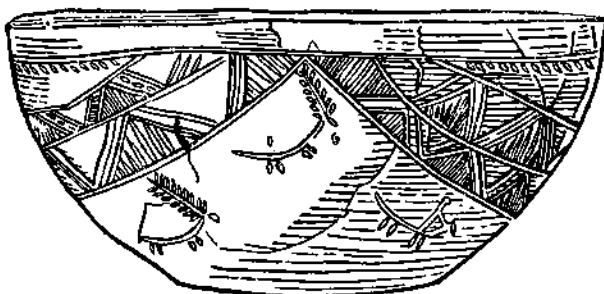

Рис. 13. Глиняный сосуд с изображением всадника и двух оленей

с трупосожжением Луижской культуры, которую мы считаем праславянской. Эта народность под угрозой нашествия начинает строить укрепления». Из приведенных кратких выдержек концепция автора совершенно ясна. Для буржуазного исследователя, особенно новейшей формации, необычным является лишь признание возможности существования, правда, во времена более древние, чем описываемое поселение, коллективной собственности. Прочие же высказывания являются вполне типичными для буржуазного археолога, но приведенное выше высказывание о причинах возникновения Луижских укреплений, несомненно, связано с агрессивными планами польского фашизма, направленными в сторону Восточной Прибалтики и в первую очередь против Литвы и Латвии. В ответ на «социальный заказ» военной клики реакционный ученый пытается представить племена литовцев и латышей истинными врагами славян, способствуя в меру своих сил созданию шовинистических настроений.

При попытке дать действительный анализ общественных отношений населения описанного поселка сразу бросается в глаза полное несоответствие всего комплекса фактических данных с выводами проф. Костржевского.

Так, его первый тезис (стр. 134) о том, что «столь мощные оборонительные сооружения, построенные подневольным трудом, указывают на наличие сильной верховной власти, которая умела обеспечить беспрекословное послушание», из которого можно сделать вывод, несмотря на чрезвычайно туманную формулировку, что исследователь предполагает здесь наличие, повидимому, феодальных отношений,—окажется совершенно необоснованным, если мы попробуем обратиться для сравнения к классическому материалу родовых поселений американских индейцев, с исключительной полнотой описанных Морганом¹. Среди этих поселений многие были укреплены мощными деревянными стенами, как, например, главное поселение онондага (М о р г а н, стр. 83).

¹ М о р г а н—Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Перевод М. О. Косвена, изд. Института народов Севера, Л., 1934.

окруженное «четырьмя рядами палисад из больших бревен, вышиной в тридцать футов», со сложной системой галерей и парапетов, оказавшихся достаточно прочными, чтобы устоять против огнестрельного оружия европейских колонизаторов.

Что касается поразившей проф. Костржевского правильности планировки поселения, то среди тех же индейских родовых поселений мы найдем достаточное количество совершенно аналогичного материала. Также необоснованным является и второй, основной тезис о том, что отдельные секции («дома», по его номенклатуре), их оборудование и инвентарь «составляли индивидуальную собственность, уже давно изъятую из совместного владения».

Как раз именно конструкция и планировка домов дает достаточно данных для доказательства того, что они были коллективной, а не индивидуальной собственностью. Ввиду большой важности этого вопроса мы позволим себе остановиться на нем несколько подробнее. Так, судя по приведенному выше описанию и планам жилых сооружений, совершенно ясно видно, что многие из домов со всеми секциями строились одновременно. Это ясно из того, что они имели не только общую крышу, но и переднюю и заднюю стены, а боковые стены секций являлись лишь внутренними переборками внутри единого дома. О некоторых домах можно предположить, что они первоначально строились несколько меньших размеров, имея иногда 2—3 секции, а затем с течением времени к ним пристраивались дополнительные секции, подводящиеся под одну крышу с первоначальным домом. И в том и в другом случае совершенно очевидно, что весь дом, состоявший иногда из 10—12 секций, представлял собой единый неразрывный жилой комплекс. Если мы обратимся за сравнениями к тем же американским индейцам, то найдем там поразительные аналогии в длинных домах, типичных для целого ряда племен (см. Морган, стр. 80—82, рис. 13, 14).

Основное отличие бискупинских домов от типичных длинных домов американских индейцев будет то, что здесь каждая из секций отделена от соседних глухой стенкой и имеет отдельный выход на улицу и, кроме того, имеются отдельные очаги в каждой секции. Это, несомненно, указывает на известное обособление отдельных семей.

На отсутствие частной собственности на домашний скот и основные орудия производства указывает тот факт, что при секциях нет ни стойл для скота, ни складов для крупных земледельческих орудий и средств передвижения. Небольшие боковые камеры в трех секциях северного дома едва ли служили стойлами. Весь инвентарь секций заключается в отдельных небольших сельскохозяйственных орудиях в виде роговых мотыг или серпов и в мелком бытовом инвентаре.

Надо предполагать, что при дальнейших исследованиях поселения будут найдены остатки общественных зданий, которые помогут с большей полнотой осветить общественные отношения населения описываемого поселка. Тезис о наличии имущественного неравенства опровергается самим же исследователем, отмечающим совершенно одинаковую структуру секций и всей их обстановки. И, наконец, предположение о том, что причиной постройки Бискупинского и ряда других укрепленных поселков Лужицкой культуры послужило вторжение на юг «прибалтийской культуры каменных ящиков», в действительности не соответствует ни археологическим, ни историческим данным и является отзвуком шовинистической полемики, ведущейся между известной частью польских и германских фашиствующих археологов, и лишний раз подчеркивает, что тезис буржуазных ученых об «аполитичности» науки является лишь своего рода дымовой завесой для пропаганды реакционных взглядов.

На самом же деле значение открытия Бискупинского поселения гораздо шире ограниченных выводов исследователя.

Его значение заключается в том, что впервые на территории Восточной и Центральной Европы было обнаружено в великолепной сохранности поселение поздней стадии родового общества, детальное изучение которого лишний раз подтверждает правильность положений Моргана—Энгельса. Особенно ценным является нахождение коллек-

тивных жилищ в виде длинных домов, известных до сих пор у американских индейцев. Этот материал с достаточной яркостью, вопреки желаниям реакционных исследователей, подчеркивает единство развития человеческого общества.

Дальнейшие исследования этого замечательного памятника позволят осветить фрагментарный материал огромного количества других археологических памятников этого времени.

В частности, необходимо отметить, что в различных пунктах Европейской части СССР за последние годы обнаружен ряд поселений с остатками больших коллективных жилых построек, относящихся к эпохе поздней бронзы и начала железа, т. е. ко времени конца II и начала I тысячелетия до н. э.

М. Воеводский

Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г.

Минувшим летом работы Саяно-алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ были сосредоточены в Горном Алтае, в Ойротской автономной области, на среднем течении р. Урсул. Обширные могильные поля в окрестностях селений Туяхта, Каракол и Курота были объектом наших исследований, преследовавших задачи изучения памятников гуннского времени и эпохи распространения орхонского письма. Однако в процессе работы мы вышли за рамки первоначального плана, так как встретили факты исключительной научной значимости, относящиеся к более древнему времени. Так, во второй группе курганов, на левом берегу р. Куроты (в 2,5 км от одноименного селения), были обнаружены могилы древнейшего времени, эпохи бронзы Сибири, весьма сходные с «афанасьевскими» Среднего Енисея. Они на поверхности были отмечены кругами, выложенными из камней, иногда в сочетании с невысокими земляными насыпями. Под ними скрылись неглубокие четырехугольные ямы, покрытые деревянным накатом или каменными плитами.

В большинстве могил обнаружены одиночные погребения, но в одной оказалось два костяка, а в другой—скелеты мужчины и двух женщин. Все покойники клались скорченно, иногда на боку, чаще же на спине, с ногами, согнутыми коленями вверх. Из утвари обращает внимание прежде всего посуда, представленная яйцевидными сферическими и баночными горшками, украшенными елочным и фестонным орнаментом. Фрагменты одного сосуда из наиболее крупного кургана украшены геометрическим узором, приближающимся уже к андроновской орнаментации середины второго тысячелетия до н. э. Особо следует отметить глиняную вазочку-курильницу, выдержанную в типично «афанасьевской» форме. Бронзовые височные колечки, роговой перстень, костяные наконечники стрел, прекрасный каменный пест и каменная колоушка—таков несложный уцелевший инвентарь курганов. Во всех своих деталях он показывает настолько близкое сходство с «афанасьевскими», обнаруженными на Енисее, что можно с полным правом считать их местным вариантом и по ним характеризовать до сих пор еще мало изученный нижний культурный пласт бронзовой эпохи Северной Азии. Не менее важно открытие на курганном поле с. Туяхты большой серии каменных курганов догуннского времени, до сих пор остававшихся неизвестными на Алтае и обнаруживающих большое сходство с рядом памятников из Тувинской народной республики, степей Северного Казахстана и Южного Приуралья. В глубоких, обширных могилах мы обнаруживали здесь прочно сработанные невысокие погребальные срубы, плотно закрытые толстыми досками. С северной стороны лежали костяки одной или двух лошадей, рядом или одна за другой. Их сруба была украшена большим числом кабаньих клыков или бронзовыми бляшками, среди которых выделяется стилизованное изображение грифона и льва в классическом скифо-сибирском